

ПРОТЕСТАНТСКИЕ ДЕНОМИНАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX века Российская империя вступила в период глубоких политических, социальных и культурных преобразований, что отразилось и на религиозной жизни. Несмотря на то, что православие сохраняло статус государственной религии, протестантские деноминации приобрели заметное влияние. Лютеране, кальвинисты, баптисты, меннониты, штундисты, адвентисты и другие группы активно формировали собственные общины, вносили вклад в образование, благотворительность и хозяйственную деятельность, оказывая влияние на местное население и религиозную политику государства.

Лютеранская церковь, сохранившая элементы таинственной практики, придерживалась учения о консубстанциации – реальном присутствии Христа в Евхаристии. Кальвинизм, напротив, выдвигал на первый план учение о предопределении и духовное значение причастия, интерпретируя его как символическое напоминание о жертве Христа. Жан Кальвин утверждал, что спасение зависит исключительно от воли Бога, а не от дел человека, что стало основой строгости и рационализма кальвинистской религиозной практики [1, с. 255].

Баптизм, проникший в империю через немецкие колонии на юге Украины, предлагал более демократическую и общинную модель религиозной жизни. Отказ от крещения младенцев, акцент на осознанной вере и самоуправление каждой общины – всё это делало баптизм особенно привлекательным для сельского населения, испытывавшего разочарование в традиционном православии. Простота обрядов, доступность богослужения и внимание к социальной справедливости стали факторами, способствующими росту численности баптистов, особенно среди русских и украинских крестьян [2, с. 17].

Штундисты, вышедшие из среды баптистов, представляли собой религиозное движение, ориентированное на индивидуальное изучение Библии и строгое соблюдение нравственных норм. Властями Российской империи они воспринимались как опасное сектантское течение. В циркулярах Министерства внутренних дел подчёркивалось, что «последователи секты штунд отвергают таинства, восстают против присяги и военной службы, проповедуют социалистические принципы» [3, с. 308]. Это свидетельствует о политическом и идеологическом напряжении между протестантскими группами и государством.

Распространение протестантизма в Российской империи происходило по нескольким направлениям. Во-первых, через немецкие, швейцарские и голландские колонии, основанные по указу Екатерины II. Во-вторых, через миссионерскую деятельность, в том числе печатную.

Меннониты же, в отличие от других протестантов, сохраняли наиболее замкнутый и автономный образ жизни. Они развивали сельское хозяйство, придерживались пацифизма и отказывались от участия в политической жизни. Однако введение всеобщей воинской обязанности в 1874 году поставило их перед выбором: либо отказаться от ключевого вероучительного принципа, либо эмигрировать. Значительная часть меннонитских общин покинула Россию, переселившись в Северную Америку, что стало одним из примеров религиозного диссидентства, вызванного конфликтом между убеждениями и требованиями государства [4, с. 43].

Адвентисты седьмого дня, пришедшие из Германии и США, акцентировали внимание на скором Втором пришествии Христа и соблюдении субботы. Они отвергали церковные таинства и посредничество святых, следовали строгим моральным нормам, пропагандировали трезвость и аскетизм. Их богослужения носили свободный характер и включали в себя чтение Писания, пение, проповеди и совместную молитву.

Протестантские общины активно включались в социальную жизнь. В некоторых районах Поволжья и Украины школы, открытые протестантами, стали настолько популярны, что

православное духовенство подавало жалобы в Синод, обвиняя протестантов в «совращении» молодёжи посредством «науки и порядка». Влияние протестантских деноминаций на общество стало заметным и в контексте межконфессиональных взаимодействий. К концу XIX века протестантские пасторы, такие как Теодор Гримм и Иван Рябошапка, стали авторитетными фигурами в своих регионах, объединяя общины и иницируя культурные проекты. Таким образом, протестантские деноминации во второй половине XIX века стали важным элементом религиозного и общественного ландшафта Российской империи.

Литература

- 1 Кальвин, Ж. Наставления в христианской вере / Ж. Кальвин. – СПб. : РХГА, 2005. – 512 с.
- 2 Савинский, С. Н. История русско-украинского баптизма / С. Н. Савинский. – Одесса : ОБС, 1999. – 734 с.
- 3 Скворцов, А. Деяния 3-го Всероссийского миссионерского съезда в Казани / А. Скворцов. – Киев : Типография И. И. Чоколова, 1897. – 344 с.
- 4 Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность / Л. Н. Митрохин. – СПб : РХГИ, 1997. – 480 с.

В. И. Маккомб
Науч. рук. Л. А. Лещенко,
ст. преподаватель

ГИПОТЕЗА «СЕПИРА-УОРФА» В ОБЛАСТИ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В современном мире актуальным остается вопрос о влиянии родного языка на мышление человека. Попытка понять роль языка в формировании мировосприятия личности отображается в гипотезе лингвистической относительности, которая гласит, что «люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, по-разному мыслят» [1, с. 10]. Опираясь на гипотезу Сепира-Уорфа, мы исследовали ее постулаты в области восприятия цвета.

Путем письменного опроса, в котором приняло участие 149 респондентов, мы исследовали, в каких цветовых категориях мыслят представители двух разных лингвокультур, и описали те закономерности, которые наблюдались при наименовании представленных респондентам цветов среди этих групп населения. Первая группа состояла из носителей русского языка, вторая – из англоговорящих носителей.

Результаты нашего опроса позволили нам сделать следующие выводы: носители английского языка склонны употреблять описательные слова, обозначающие свойство цвета (light [светло-], dark [темно-] и др.), или прилагательные, описывающие цвета, которые вызывают ассоциации с чем-либо (напр. forest green). Носители русского языка также употребляли слова, обозначающие свойства цвета (светло-, темно-) либо прилагательные, которые произошли от существительных (сиреневый, персиковый и т. д.).

Восприятие цвета не очень отличается среди носителей английского и русского языков, однако имеет некоторые особенности. Наименование цветов варьируется в соответствии с нормами каждого конкретного языка, однако цвета, представленные респондентам в исследовании, воспринимались практически одинаково в обеих лингвокультурах.

Литература

- 1 Абдурахманова, Н. Г. Гипотеза «Лингвистической относительности» / Н. Г. Абдурахманова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 9-2. – Р. 8–11.